

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 3 (2021)

Содержание:

В сфере административно-правовых отношений.....	3
<i>вопросы обеспечения надлежащих условий содержания по стражей, в том числе при транспортировке лишенных свободы лиц.....</i>	<i>3</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>3</i>
<i>условия отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы.....</i>	<i>4</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>4</i>
<i>право на уважение семейной жизни в аспекте определения места отбывания наказания в виде лишения свободы.....</i>	<i>9</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>9</i>
<i>право на свободу собраний (прекращение проведения собрания сотрудниками правоохранительных органов, привлечение лица к административной ответственности).....</i>	<i>10</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>10</i>
<i>право на уважение корреспонденции, направляемой лишенным свободы лицом в Европейский Суд по правам человека и получаемой из указанного Суда (статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).....</i>	<i>11</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>11</i>
В сфере гражданско-правовых отношений.....	12
<i>право на уважение семейной жизни (лишение родительских прав).....</i>	<i>12</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>12</i>
<i>право на получение компенсации вследствие незаконного лишения свободы.....</i>	<i>17</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>17</i>
В сфере гражданско-процессуальных отношений.....	18
<i>право лишенного свободы лица на участие в судебном разбирательстве по гражданскому делу, в том числе в суде апелляционной инстанции.....</i>	<i>18</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>18</i>
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....	20
<i>право на жизнь; вопросы проведения эффективного расследования случаев лишения жизни.....</i>	<i>20</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>20</i>
<i>запрет пыток, иного недопустимого обращения; вопросы проведения эффективного расследования.....</i>	<i>24</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>24</i>
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (лишение свободы согласно закону, несвоевременное составление сотрудниками полиции протокола задержания).....</i>	<i>36</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>36</i>
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора суда).....</i>	<i>37</i>
<i>практика Европейского Суда по правам человека.....</i>	<i>37</i>

<i>назначение вида и срока (размера) уголовного наказания в аспекте проведения эффективного расследования случаев недопустимого обращения, осуществленного сотрудником правоохранительных органов</i>	37
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	37
<i>право на справедливое судебное разбирательство (недопустимость использования доказательств, полученных вследствие применения насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения)</i>	38
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	38
<i>право на справедливое судебное разбирательство в аспекте обеспечения права на участие защитника</i>	40
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	40

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

вопросы обеспечения надлежащих условий содержания по стражей, в том числе при транспортировке лишенных свободы лиц

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 45767/09 и № 40452/10 «*Утвенко и Борисов против Российской Федерации*» (вынесено 5 февраля 2019 года, вступило в силу 24 июня 2019 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года² в связи с необеспечением одному из заявителей надлежащих условий содержания под стражей.

Суд напомнил, что он уже делал соответствующие заключения по многих делам, связанным с нарушением статьи 3 Конвенции ввиду ненадлежащих условий содержания в СИЗО.

Суд обратил внимание на следующее: заявитель утверждал, что на него приходилось менее 3 м² личного пространства в период содержания под стражей. Суд напомнил, что если площадь поверхности, которая приходится на одного заключенного в камере, менее 3 м², то отсутствие личного пространства считается по названному пункту достаточно серьезным, чтобы являться косвенным доказательством нарушения статьи 3 Конвенции.

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека.

² Далее – Конвенция.

Обязанность предоставления доказательств возлагается в этом случае на государство-ответчик, которое может опровергнуть косвенные доказательства, продемонстрировав наличие данных, компенсирующих указанное обстоятельство определенным образом. Власти представили неполные регистрационные журналы заключенных, так как в них отражены только 277 из 1443 дней содержания заявителя под стражей. Суд указал, что данные властей относительно площади камер, где содержался первый заявитель, не подкреплялись соответствующими техническими планами. Суд также отметил – информации, полученной в этой связи из справок администрации СИЗО не достаточно. Таким образом, Суд счел, что власти не смогли опровергнуть утверждение первого заявителя, согласно которому на него приходилось менее 3 м² личного пространства во время рассматриваемого периода его содержания под стражей (пункт 144 постановления). Следовательно, имело место нарушение данной статьи.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 55829/15 и по 8 другим жалобам *«Саидов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции ввиду необеспечения заявителю надлежащих условий транспортировки (более подробная информация об указанном деле изложена ниже).

условия отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 14727/11 *«Н.Т. против Российской Федерации»* (вынесено 2 июня 2020 года, вступило в силу 16 ноября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с «автоматическим» применением к заявителю в течение первых десяти лет условий строгого режима, содержанием его в одиночной и двухместной камерах и систематическим применением наручников.

Статья 3 Конвенции, подчеркнул Суд, закрепляет одну из основных ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения жертвы. При этом Суд вновь напомнил, что для того, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, перенесенное страдание или унижение в любом случае должно выходить за пределы неизбежного элемента страданий и унижений, связанных с лишением свободы. Государство должно принимать меры к тому, чтобы

лицо содержалось в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству, чтобы формы и методы реализации этой меры не причиняли ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, и чтобы его здоровье и благополучие (с учетом практических требований режима лишения свободы) обеспечивались надлежащим образом. Даже отсутствие намерения оскорбить или унижить заключенного посредством помещения его в плохие условия содержания, хотя и является фактором, подлежащим принятию к сведению, продолжил Суд, окончательно не исключает установление нарушения статьи 3 Конвенции. Более того, на власти государства-ответчика возлагается обязательство организовать свою пенитенциарную систему таким образом, чтобы обеспечить уважение достоинства заключенных, независимо от финансовых или материально-технических трудностей (пункты 39–40 постановления).

Суд также отметил важность принципа реабилитации и уважения человеческого достоинства, гарантированного статьей 3 Конвенции. Суд указал, – принцип реабилитации (то есть реинтеграции осужденного в общество) в полной мере применим к осужденным к пожизненному заключению свободы, которые должны иметь перспективу освобождения и поэтому необходимо создать условия для возможности их реабилитации.

Переходя к применению общих принципов к настоящему делу, Суд повторил, что его задачей является не просто анализ *in abstracto* национального права и судебной практики, а определение того, являлся ли способ их использования в отношении заявителя или их влияние на него нарушением положений Конвенции. Поэтому Суд ограничился, насколько это возможно, рассмотрением конкретного дела, находящегося в его производстве.

Стороны не оспаривали тот факт, что заявитель был изолирован от остальных заключенных во время его содержания в условиях строгого режима. Из материалов дела следовало – в течение определенных периодов (довольно длительное время) его содержания в условиях строгого режима, в отношении которых власти представили информацию, заявитель находился один. Остальное время он проводил в одной камере с другим заключенным. Заявитель был заключен в своей камере примерно двадцать два с половиной (22,5) часа в день без возможности осуществления какой-либо целенаправленной деятельности (такой, например, как работа или образование) (пункт 43 постановления).

Суд уже устанавливал следующее – все формы одиночного заключения без надлежащей умственной и физической стимуляции в долгосрочной перспективе с большой вероятностью приводят к негативным последствиям, выражающимся в ухудшении умственных способностей и социальных навыков. Заключение в двухместной камере может иметь аналогичные негативные последствия, если обоим заключенным придется провести годы

взаперти в одной камере без какой-либо полезной деятельности, надлежащего доступа к прогулкам на свежем воздухе или контактам с внешним миром. Таким образом, даже если изоляция заявителя в определенные периоды не была абсолютной, поскольку он содержался вместе с другим заключенным, но интенсивность действия этой меры и ее продолжительный период в обстоятельствах настоящего дела поставили вопрос в соответствии со статьей 3 Конвенции относительно существенного негативного воздействия, оказанного на его здоровье и социальные навыки (пункт 44 постановления).

По мнению Суда, только конкретные основания по соображениям безопасности, которые были выявлены в период содержания под стражей, могут оправдать длительную изоляцию. Согласно той же логике требуется надлежащее обоснование для длительного содержания заключенных в двухместных камерах, если интенсивность и продолжительность их изоляции настолько значительны, что их последствия сравнимы с одиночным заключением (пункт 45 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, власти не объяснили причины содержания заявителя в одиночной камере. В определенные периоды его заключение в одиночной камере сменялось заключением в двухместной камере. Заявитель был изолирован от других заключенных в течение многих лет исключительно на основании назначенного ему наказания в виде пожизненного лишения свободы, которое, по мнению Суда, не являлось достаточным, чтобы оправдать такой подход.

Суд отметил, что изоляция заявителя противоречила двум документам, которым Суд придает большое значение, несмотря на их необязательный характер – Рекомендации Res (2003)23 и Европейским пенитенциарным правилам. В первом документе подчеркивается важность принципа неизолирования, а во втором прямо предусматривается – меры безопасности, применяемые к заключенным, должны быть минимально необходимыми для обеспечения их содержания в местах лишения свободы, а необходимый уровень мер безопасности должен регулярно пересматриваться на протяжении всего срока лишения свободы того или иного лица (пункт 47 постановления).

Было принято к сведению, что положение заявителя еще более усугублялось крайне ограниченным количеством времени, которое он мог проводить вне своей камеры, и отсутствием какой-либо целенаправленной деятельности. Суд неоднократно отмечал: кратковременные прогулки на свежем воздухе усугубляют положение заключенных, поскольку все остальное время они находятся в своих камерах (пункт 49 постановления).

Суд подчеркнул, что правило 25.2 Европейских пенитенциарных правил 2006 года предусматривает – тюремный режим должен позволять всем заключенным проводить вне своих камер столько часов в день, сколько необходимо для поддержания надлежащего уровня человеческого и

социального взаимодействия. Во Втором общем докладе о своей деятельности ЕКПП³ указал, что государства-члены должны стремиться к тому, чтобы заключенные в следственных изоляторах могли проводить значительную часть дня (восемь и более часов) вне своих камер, занимаясь полезной деятельностью различного характера, и чтобы режим в учреждениях для осужденных лиц заключенных был еще более благоприятным. Наконец, в докладе о своем визите в Российскую Федерацию ЕКПП подверг критике количество времени, когда заключенные должны были проводить взаперти в своих камерах, и отсутствие структурированной деятельности вне камеры для осужденных к пожизненному лишению свободы. Комитет подчеркнул ряд «десоциализирующих» (маргинализирующих) последствий, которые пожизненное заключение оказывает на заключенных, и отметил следующее – помимо того, что соответствующие лица институционализируются в тюрьме, они могут испытывать целый ряд психологических проблем, включая потерю самоуважения и ухудшение социальных навыков (пункт 50 постановления).

Суд не мог не учесть тот факт, что лишения заявителя выходили за рамки физических ограничений и включали в себя серьезные ограничения его контактов с внешним миром и расходов. Это несомненно, усиливало его страдания в рамках данного режима.

Суд резюмировал: в совокупности все вышеперечисленные факторы (в первую очередь изоляция, ограниченные по времени прогулки на свежем воздухе и отсутствие целенаправленной деятельности) спровоцировали у заявителя интенсивное и длительное чувство одиночества и скуки; это вызвало у него значительные страдания и из-за отсутствия надлежащей психической и физической стимуляции могло привести к синдрому институционализации, то есть к потере социальных навыков и индивидуальных личностных черт. Такие действия представляли собой обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции.

Как усматривалось из текста постановления, стороны не оспаривали тот факт: в течение более чем пяти лет на заявителя систематически надевали наручники. Его положение усугублялось тем фактом, что ему на регулярной основе приходилось в наручниках выносить на улицу тяжелое ведро, которое он использовал в качестве туалета, чтобы опорожнить его. Эти действия причиняли ему физическую боль (пункт 53 постановления).

Суд обратил внимание – власти не выдвинули каких-либо аргументов для обоснования систематического использования наручников в отношении заявителя, кроме того факта, что он был внесен в список опасных заключенных. Однако это не объяснило, почему использование наручников

³ Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

являлось обязательным с момента его прибытия в исправительное учреждение в 2010 году, учитывая, что за все время его содержания в этом учреждении он ни разу не нарушал тюремную дисциплину. Систематическое надевание на него наручников, особенно во время конвоирования по исправительному учреждению, тщательно охраняемому учреждению, превышало то, что можно было бы разумно считать необходимым (пункт 55 постановления).

Суд пришел к выводу: частое и длительное по времени надевание наручников на заявителя явно превышало законные требования тюремной безопасности. Оно унижало его человеческое достоинство и вызывало у него чувство неполноценности, лишений и накопившихся страданий. Это выходило далеко за рамки неизбежных страданий и унижений, присущих пожизненному лишению свободы, и, таким образом, представляло собой обращение с заключенным, запрещенное статьей 3 Конвенции.

Обращаясь к статье 46 Конвенции, Суд повторил, что постановление, в котором он устанавливает нарушение Конвенции, налагает на государство-ответчика юридическое обязательство не только по выплате в пользу соответствующих лиц сумм, присужденных в порядке справедливой компенсации, но и по избранию под надзором Комитета министров Совета Европы мер индивидуального или общего характера в рамках его национальной правовой системы для устранения нарушения, установленного Судом, а также максимально возможного устранения его последствий. Именно на соответствующее государство возлагается задача по избранию (под надзором Комитета министров), средств, подлежащих использованию в рамках национального права для выполнения данного обязательства. Тем не менее в целях содействия государству-ответчику в выполнении вышеобозначенного обязательства Суд может указать тип мер индивидуального или общего характера, которые могут быть предприняты для того, чтобы положить конец ситуации, установленной Судом (пункт 67 постановления).

В настоящем деле Суд установил: обращение, которому заявитель подвергался в условиях строгого режима тюремного заключения, нарушало требования статьи 3 Конвенции. Установленное нарушение в значительной степени обусловлено соответствующими положениями УИК РФ⁴, и таким образом выявляет проблему системного характера, затрагивающую каждого осужденного к пожизненному лишению свободы в течение первых десяти лет его лишения свободы. Принимая во внимание необходимость безотлагательного предоставления им достаточного возмещения на национальном уровне, Суд счел, что повторение выводов в аналогичных индивидуальных делах будет не лучшим способом для достижения цели

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

Конвенции. Суд счел себя обязанным оказать содействие государству-ответчику в поиске соответствующих решений и Комитету министров в надзоре за исполнением постановлений. В целях оказания содействия государству-ответчику в выполнении его обязательств по статье 46 Суд обозначил в общем виде меры, которые могут сыграть важную роль в решении структурной проблемы согласно положениям Конвенции, как это было сделано в ряде дел, касающихся схожей комплексной проблемы бесчеловечных условий содержания или транспортировки.

Суд отметил усилия, предпринятые российскими властями с целью улучшения различных аспектов режима содержания осужденных к пожизненному лишению свободы. Однако в свете вывода Суда по данному делу требовалась дальнейшая реформа существующей нормативной базы. Выбор инструментов оставался полностью на усмотрение властей государства-ответчика. Они могли принять решение об отмене автоматического применения строгого режима ко всем осужденным к пожизненному лишению свободы; ввести в действие положения, предусматривающие следующее: строгий режим может быть введен и продлен только на основании индивидуальной оценки риска каждого осужденного к пожизненному лишению свободы, а также что такой режим может применяться не дольше, чем это является строго необходимым; и (или) смягчить условия строгого режима, особенно те, которые касаются физических ограничений, изоляции осужденных к пожизненному лишению свободы, их доступа к различным видам деятельности с целью их социализации и реабилитации (пункт 70 постановления).

право на уважение семейной жизни в аспекте определения места отбывания наказания в виде лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 55829/15 и по 8 другим жалобам «*Саидов и другие против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года), которым установлены нарушения статей 8 и 13 Конвенции в связи с направлением заявителей в исправительные учреждения, расположенные вдали от места проживания их семей и отсутствием эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений, а также статьи 3 Конвенции ввиду необеспечения одному из заявителей надлежащих условий транспортировки.

Суд напомнил, что он уже не раз устанавливал: существенной частью права заключенного на уважение семейной жизни является то, что власти позволяют ему или ей или, если это необходимо, помогают ему или ей поддерживать контакт с близкими членами своей семьи. Статья 8 Конвенции

требует от государств учитывать интересы осужденного, его или ее родственников и членов семьи. Суд также определил – помещение осужденного в конкретное исправительное учреждение может поднять вопрос в рамках статьи 8 Конвенции, если последствия для его личной и семейной жизни выходят за рамки «обычных» лишений и ограничений, присущих самой концепции лишения свободы, и что в таком случае, учитывая географическое положение отдаленных пенитенциарных учреждений и реалии российской транспортной системы, как заключенные, отправленные отбывать наказание вдали от своего дома, так и члены их семей страдают от удаленности этих учреждений (пункт 7 постановления).

Рассмотрев все представленные материалы, Суд не нашел никаких фактов или доводов, способных убедить его прийти к другому выводу по поводу приемлемости и существования данных жалоб. Принимая во внимание свою прецедентную практику по данному вопросу, Суд решил – вмешательство в право заявителей на уважение семейной жизни не являлось «соответствующим закону» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции.

С учетом сложившейся прецедентной практики Суд также заключил, что представленные материалы свидетельствовали о нарушениях Конвенции в части плохих условий транспортировки и отсутствия средств правовой защиты по жалобам на распределение или перевод в отдаленные исправительные учреждения.

право на свободу собраний (прекращение проведения собрания сотрудниками правоохранительных органов, привлечение лица к административной ответственности)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25238/08 *«Сарсембаев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 1 сентября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 11 Конвенции. Заявитель жаловался на ограничения, наложенные властями на место проведения пикетирования, и на судебное преследование за административное правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁵.

Как усматривалось из текста постановления, компетентные органы отказались согласовать место массового мероприятия, запланированного заявителем, и предложили альтернативные места. Посчитав, что

⁵ Далее – КоАП РФ.

предложения властей не отвечают цели демонстрации, заявитель решил провести ее в первоначально запланированном месте. После этого он был задержан и привлечен к ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20.2 КоАП РФ. Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что допущено вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний (пункт 44 постановления).

Привлечение заявителя к ответственности по части 2 статьи 20.2 КоАП РФ в связи с проведением демонстрации напротив здания суда было основано на установленном законом запрете на проведение публичных мероприятий вблизи зданий судов. Суд ранее уже устанавливал – этот общий запрет сформулирован настолько пространно, что его нельзя признать совместимым с пунктом 2 статьи 11 Конвенции.

Суд резюмировал: осуждение заявителя, основанное исключительно на запрете, без учета конкретных обстоятельств дела, не могло считаться необходимым по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

право на уважение корреспонденции, направляемой лишенным свободы лицом в Европейский Суд по правам человека и получаемой из указанного Суда (статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 43083/06 **«Золотарев против Российской Федерации»** (вынесено 15 ноября 2016 года, вступило в силу 15 февраля 2017 года), которым установлено нарушение статьи 34 Конвенции ввиду воспрепятствования заявителю в эффективном осуществлении права на обращение в Европейский Суд.

Суд напомнил, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, установленной статьей 34 Конвенции, чрезвычайно важно, чтобы заявители или потенциальные заявители имели возможность свободно общаться с Европейским Судом, не подвергаясь ни в какой форме давлению со стороны властей с целью заставить их отказаться от своих жалоб или изменить их (пункт 54 постановления).

Суд обратил внимание: власти не опровергли доводы заявителя относительно распечатывания и проверки тюремной администрацией как писем, адресованных в Секретариат Суда, так и обратных посланий, и что власти также не оспорили утверждения заявителя, касающиеся задержки отправки корреспонденции из-за отказа администрации принимать письма в заклеенных конвертах.

В связи с этим Суд отметил – национальным властям надлежит избегать какой бы то ни было формы давления, направленного на то, чтобы

разубедить лицо осуществлять свое право на обращение в Суд. Суд повторил свою позицию, в соответствии с которой задержка отправки адресованной ему корреспонденции является примером воспрепятствования лицу возможностью воспользоваться правом обратиться в Суд, запрещенного вторым предложением статьи 34 Конвенции (пункт 56 постановления).

Суд счел, что вскрытие писем, адресованных в Секретариат Суда или направленных оттуда, а также их прочтение, выполняемое настолько тщательно, что позволяет составить краткое содержание, дают тюремной администрации возможность ознакомиться с содержанием данных писем. Это, в свою очередь, может повлечь за собой риск преследования данного человека. В своих предыдущих постановлениях Суд назвал вышеуказанные действия примерами воспрепятствования (пункт 57 постановления).

Суд не увидел причины отходить от вышеупомянутой прецедентной практики, и, таким образом, он резюмировал: национальные власти Российской Федерации не исполнили своих обязательств в части второго предложения статьи 34 Конвенции.

В сфере гражданско-правовых отношений

право на уважение семейной жизни (лишение родительских прав)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 70879/11 *«Илья Ляпин против Российской Федерации»* (вынесено 30 июня 2020 года, вступило в силу 16 ноября 2020 года), которым установлено отсутствие нарушения статьи 8 Конвенции в связи с лишением родительских прав заявителя.

Суд заявил: «взаимное общение родителя и ребенка составляет основополагающий элемент «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции, даже если отношения между родителями нарушились... В настоящее время имеется широкий консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, превыше всего следует ставить наилучшие интересы детей.... В большинстве случаев интересы ребенка предполагают необходимость сохранения связей ребенка с его семьей, за исключением случаев, когда семья оказалась особенно неспособной, и это может нанести вред здоровью и развитию ребенка... Разорвать семейные узы означает лишить ребенка его корней, что может быть сделано только в исключительных обстоятельствах...; и должны быть приняты все меры для сохранения личных отношений и, если это необходимо, для «восстановления» семьи» (пункт 44 постановления).

В то же время, продолжил Суд, совершенно ясно, что в интересах ребенка необходимо обеспечить его развитие в благоприятной для него среде, и нельзя заставить родителя в соответствии со статьей 8 Конвенции принять такие меры, которые нанесут вред здоровью и развитию ребенка. Интересы ребенка, в зависимости от их характера и серьезности, могут быть поставлены превыше интересов родителей. В частности, в тех случаях, когда общение с родителем может представлять угрозу интересам ребенка или нарушать его соответствующие права, национальные органы власти должны обеспечить справедливый баланс между ними (пункт 45 постановления).

По мнению Суда, следует иметь в виду следующее – в целом национальные органы власти имеют возможность прямого контакта со всеми заинтересованными лицами. Соответственно, задача Суда состоит не в том, чтобы подменять собой внутригосударственные органы власти, а в том, чтобы пересматривать в свете Конвенции решения и оценки, принятые этими органами в порядке осуществления их полномочий. Пределы свободы усмотрения, которой должны наделяться компетентные национальные органы власти, неодинаковы и зависят от характера вопросов, являющихся предметом спора по тому или иному делу, и от важности затрагиваемых интересов. Хотя Суд признает, что власти пользуются широкими пределами свободы усмотрения при решении вопросов опеки, однако требуется внимательное изучение любых дальнейших ограничительных мер (например, ограничений, налагаемых такими органами на осуществление родительских прав), и любых правовых гарантий эффективной защиты права родителей и детей на уважение их семейной жизни. Подобные ограничения влекут за собой опасность того, что семейные отношения между родителями и ребенком будут фактически прекращены (пункт 46 постановления).

При определении, являлась ли оспариваемая мера «необходимой в демократическом обществе», Суд должен рассмотреть, были ли причины, приведенные для обоснования оспариваемой меры, «уместны и достаточны» в целях пункта 2 статьи 8 Конвенции. Для этого Суд должен выяснить, провели ли внутригосударственные суды тщательное изучение семейной ситуации в целом и ряда факторов, в частности, факторов фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, и была ли проведена сбалансированная и разумная оценка соответствующих интересов каждого лица. При этом необходимо определить, каким будет наилучшее решение для ребенка. Суд также должен выяснить, являлся ли процесс принятия решений в принципе справедливым и была ли предоставлена заявителю необходимая защита ее интересов, гарантированная статьей 8 Конвенции (пункт 47 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, сторонами не оспаривалось, что связь между заявителем и его ребенком представляет собой «семейную жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции. Лишение заявителя родительских прав представляло собой вмешательство в его право на

уважение семейной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции. Такое вмешательство является нарушением данного положения, за исключением случаев, когда такое вмешательство «предусмотрено законом», преследует одну из законных целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 8 Конвенции, и может считаться «необходимым в демократическом обществе». Суд принял довод властей о том, что рассматриваемая мера была основана на статье 69 Семейного Кодекса Российской Федерации и преследовала цель защиты прав ребенка. Оставалось определить, была ли эта мера «необходимой в демократическом обществе» (пункт 48 постановления).

Суд отметил, что лишение заявителя родительских прав лишило его всех родительских прав, которые он имел в отношении своего сына, включая право на общение с ним. Суд вновь подтвердил – лишение человека его родительских прав является особенно радикальной мерой, которая лишает родителя его или ее семейной жизни с ребенком, что несовместимо с целью их воссоединения. Такие меры должны применяться лишь в исключительных обстоятельствах. Они могут быть оправданы только в том случае, если они мотивированы главным требованием, относящимся к наилучшим интересам ребенка (пункт 49 постановления).

Суд установил, что при рассмотрении дела о лишении заявителя родительских прав внутригосударственные суды двух инстанций оценивали ситуацию в свете имеющихся у них доказательств. В частности, они отметили следующее: заявитель не проживал с В. с апреля 2003 года, когда он развелся с супругой, и он не общался с ребенком с 2004 года. Таким образом, очевидно, хотя ребенок провел первые два года своей жизни с заявителем, но к моменту принятия решения о лишении заявителя родительских прав он не жил с ребенком в течение восьми лет и не общался с ним в течение семи лет (пункт 50 постановления).

Суд также обратил внимание на то, что в течение всего периода отсутствия общения между заявителем и В., заявитель не предпринимал никаких попыток получить доступ к своему сыну и возобновить с ним общение. Он представил несколько противоречивые аргументы в этой связи, заявив, с одной стороны, что он решил не вмешиваться в жизнь В., чтобы дать ему некоторое время «для адаптации к новой семье» А.К. и ее нового мужа, а с другой стороны, что А.К. препятствовала его общению с ребенком (пункт 51 постановления).

Суд не нашел ни один из этих доводов убедительным. Исходя из предположения, что заявитель добровольно ушел из жизни своего ребенка, чтобы дать ему возможность адаптироваться к новому мужу своей матери, однако неясно, почему этот период «адаптации» длился семь лет. По мнению Суда, заявитель мог и должен был понимать следующее: такая длительная и полная разлука с его сыном – особенно учитывая его юный возраст в то время, когда их общение прервалось, – могла привести лишь к

значительному ослаблению, если не к полному разрыву связи между ними и отчуждению ребенка от него. Действительно, в ходе внутреннего разбирательства установлено, что, хотя В. и знал о существовании своего биологического отца, он не помнил его и не хотел с ним общаться. В момент их встречи ребенок не узнал заявителя и испугался, когда ему сказали, что заявитель является его отцом (пункт 52 постановления).

Суд указал (ранее это отмечалось внутригосударственными судами): если предположить, что мать ребенка возражала против общения с заявителем, то удивительно, что заявитель никогда не обращался за помощью к органам опеки или внутригосударственным судам для организации доступа и определения порядка общения с В.

Общение между заявителем и его ребенком было прервано в 2004 году, но лишь семь лет спустя – и только после того, как мать ребенка подала иск о лишении заявителя родительских прав, – заявитель впервые обратился за установлением порядка общения (пункт 53 постановления).

Суд счел, что именно бездействие заявителя привело к разрыву связей между ним и его сыном и, таким образом, как представляется, предопределило исход дела против него. Очевидно, лишение заявителя родительских прав не более чем аннулировало юридическую связь между заявителем и его сыном. Учитывая отсутствие каких-либо личных отношений в течение семи лет, предшествовавших этому решению, нельзя было сказать, что это отрицательно сказалось на этих отношениях (пункт 54 постановления).

Кроме того, как отметил Суд, из судебных постановлений усматривалось, что ребенок был хорошо интегрирован в свою семью и глубоко привязан к своей матери, своему сводному брату и М.К.⁶, с которым он фактически проживал одной семьей в течение семи лет. Важно также, что М.К. полностью взял на себя роль отца и намеревался усыновить ребенка; и что мальчик последовательно выражал свое желание быть усыновленным им и носить фамилию М.К. Суд вновь заявил – существующие семейные связи между супругами и детьми, о которых они фактически заботятся, требуют защиты в соответствии с Конвенцией. Более того, если прошло значительное время с тех пор, как ребенок перестал жить со своими биологическими родителями, интерес этого ребенка к тому, чтобы фактически его семейная ситуация не изменилась снова, может превалировать над интересами родителей к воссоединению их семьи (пункт 55 постановления).

Суд счел, что внутригосударственные органы власти столкнулись с трудной задачей установления справедливого баланса между конкурирующими интересами – интересами заявителя, В., матери и членов фактической семьи В. В частности, они были призваны решить, в наилучших

⁶ Муж матери.

ли интересах В. установить его связь с заявителем – его родным отцом, – общение с которым было прервано в течение предыдущих семи лет, или, скорее, укрепить существующие связи между В. и семьей, в которой он жил в течение этого периода. Суд резюмировал следующее: внутригосударственные суды провели детальную и тщательно взвешенную оценку всей ситуации и потребностей ребенка в свете представленных доказательств; они внимательно рассмотрели соответствующие факты и должным образом учли интересы В. Принимая во внимание тот факт, что внутригосударственные суды имели возможность контактировать со всеми заинтересованными сторонами, Суд пришел к выводу: они предоставили «значительные и достаточные» основания для своих решений в пределах своей свободы усмотрения (пункт 56 постановления).

Суд отметил – внутригосударственные суды обязали заявителя выплачивать ежемесячную сумму алиментов на содержание ребенка, начиная с даты вынесения решения и до достижения его сыном совершеннолетия, хотя заявитель больше не будет иметь родительских прав в отношении ребенка. Однако это не означало, что не было значительных и достаточных оснований для принятия решения о лишении заявителя родительских прав. Действительно, это решение не изменило того факта, что заявитель продолжал оставаться родителем ребенка и, следовательно, нести за него родительскую ответственность; более того, он не платил никаких алиментов на содержание ребенка в течение многих лет. Необходимо также подчеркнуть – обязанность выплачивать алименты на ребенка прекратилась, как только В. был усыновлен М.К. (пункт 57 постановления).

Что касается процесса принятия решения, то Суд указал: соответствующее решение суда было принято в результате состязательного производства, в ходе которого заявитель был поставлен в положение, позволяющее ему выдвинуть все аргументы в поддержку своей позиции. Он принял участие в разбирательстве и смог представить письменные и устные доказательства. В своих решениях суды приводили исчерпывающие обоснования в пользу собственных выводов и рассматривали выдвинутые заявителем доводы. Был заслушан ряд свидетелей, в том числе тех, кто поддержал заявителя, и получена психологическая оценка отношений В. с его родителями. В той мере, в какой заявитель жаловался на то, что оценка была проведена в его отсутствие и что ребенок не был заслушан в суде, Суд отметил следующее: во-первых, заявитель мог ставить эти вопросы перед судами двух уровней юрисдикции; во-вторых, заявитель мог оспорить выводы отчета и ходатайствовать о проведении еще одной экспертизы В. Однако в распоряжении Суда не было никаких доказательств того, что заявитель когда-либо пытался воспользоваться какой-либо из этих возможностей. По мнению Суда, внутренний процесс принятия решений был справедливым и обеспечил заявителю необходимую защиту его прав, гарантированных статьей 8 Конвенции (пункт 58 постановления).

С учетом вышеизложенного и принимая во внимание оценку наилучших интересов ребенка, проведенную внутригосударственными судами, а также отсутствие отношений между заявителем и В. в течение семи лет, Суд остался удовлетворен тем, что оспариваемое решение подпадало под пределы свободы усмотрения, предоставленной государству-ответчику, и не оказало какого-либо неблагоприятного воздействия на эти отношения, чтобы сделать его несоразмерным.

право на получение компенсации вследствие незаконного лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 74820/14 *«Пастухов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 1 октября 2019 года), которым установлено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции ввиду невозможности получения заявителем компенсации вреда, причиненного вследствие незаконного лишения свободы (более подробная информация об указанном деле изложена ниже).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25238/08 *«Сарсембаев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 1 сентября 2020 года), которым жалоба заявителя в части предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным доставлением заявителя в отделение милиции и его административным задержанием была признана неприемлемой ввиду утраты заявителем статуса «жертвы» вследствие признания судами Российской Федерации нарушения права на свободу и личную неприкосновенность и присуждения заявителю денежной компенсации морального вреда.

Европейский Суд напомнил следующее: обязанность возместить ущерб, причиненный нарушением положений Конвенции, лежит в первую очередь на национальных властях. Он отметил, что жалоба была ранее рассмотрена в рамках национального административного и гражданского судопроизводства, и заявителю была присуждена компенсация за ущерб, который он понес, в частности, в результате его незаконного лишения свободы. Следовательно, в целях реализации статьи 34 Конвенции Европейский Суд изучил вопрос о том, может ли заявитель по-прежнему считаться «жертвой» предполагаемого нарушения его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 5 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд указал – заявитель лишается статуса жертвы, если национальные органы власти признали, прямо или по существу, нарушение Конвенции и затем обеспечили соответствующее и достаточное

возмещение (пункт 35 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, Верховный Суд Республики Татарстан и Ново-Савиновский районный суд г. Казани в своих решениях от 11 января 2008 года и 26 июня 2008 года соответственно установили, что заявитель был незаконно лишен свободы сотрудниками милиции 18 октября 2007 года. Таким образом, по мнению Суда, национальные власти признали нарушение прав заявителя, предусмотренных пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Ново-Савиновский районный суд присудил заявителю 10 000 рублей в качестве компенсации вреда, который он понес, в частности, в результате его незаконного задержания. 31 июля 2008 года Верховный Суд Республики Татарстан, рассмотрев апелляцию, оставил решение районного суда без изменений. Заявитель не обжаловал решение районного суда. Соответственно, отметил Суд, присужденная заявителю районным судом компенсация его удовлетворила. В данных обстоятельствах у Европейского Суда не было оснований проверять, была ли присужденная сумма разумной в сравнении с суммами, присуждаемыми Европейским Судом в аналогичных делах. Из этого следовало, что в конкретных обстоятельствах настоящего дела компенсация представляла собой надлежащее и достаточное возмещение за предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции (пункты 36–37 постановления).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

право лишенного свободы лица на участие в судебном разбирательстве по гражданскому делу, в том числе в суде апелляционной инстанции

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 43852/12 «*Беляев против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 15 января 2019 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением участия лишенного свободы заявителя в суде апелляционной инстанции при рассмотрении гражданского дела, по которому он выступал в качестве истца.

Суд напомнил, что ни буква, ни дух статьи 6 Конвенции не препятствуют лицу в добровольном отказе, прямом или подразумеваемом, от гарантий справедливого судебного разбирательства. Однако, чтобы быть эффективным в целях Конвенции, такой отказ должен быть выражен в прямой форме, и должны сохраниться минимальные гарантии, компенсирующие этот отказ (пункт 57 постановления).

Суд установил следующее: 10 августа 2011 года заявитель и его адвокат обратились в районный суд с просьбой рассмотреть дело в их

отсутствие. Таким образом, заявитель однозначно отказался от своего права присутствовать на заседании суда первой инстанции 11 августа 2011 года (пункт 58 постановления). Отсюда следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

Суд обратил внимание на то, что во многих ранее вынесенных постановлениях он уже излагал общие принципы соблюдения права эффективно представлять свои интересы в суде наравне с противной стороной на основании равноправия сторон согласно со статьей 6 Конвенции. Анализ Европейским Судом предполагаемых нарушений права на справедливое судебное разбирательство в делах, в которых находящиеся под стражей заявители жаловались на отсутствие возможности лично присутствовать во время слушания по гражданским делам, включает в себя следующие аспекты: анализ способа оценки внутригосударственными судами необходимости в личном присутствии заявителей, а также установление факта принятия или непринятия внутригосударственными судами процессуальных мер для обеспечения эффективного участия заявителей в судебных процессах (пункт 61 постановления).

Суд отметил, что рассматриваемый гражданский процесс касался иска заявителя о компенсации морального вреда, который был причинен ему лично. Поэтому его присутствие на слушании являлось необходимым.

Однако, как усматривалось из текста постановления, ни заявитель, ни его адвокат не присутствовали на слушании дела в порядке апелляции, проведенном 6 февраля 2012 года. Власти не предоставили никаких подтверждений того, что заявитель и его адвокат были надлежащим образом уведомлены о слушании дела в порядке апелляции. Суд апелляционной инстанции не проверил, требовал ли характер дела личных показаний заявителя, не предоставил объяснения того, почему суд счел, что отсутствие заявителя не нанесет ущерба справедливости разбирательства в целом, и не принял никаких надлежащих процессуальных мер, позволяющих заслушать заявителя (пункт 63 постановления).

В ведущем постановлении по делу *«Евдокимов и другие против Российской Федерации»* Суд уже установил нарушение в отношении аналогичных вопросов в рамках рассматриваемого дела. Изучив все представленные материалы, Европейский Суд не усмотрел каких-либо обстоятельств или доводов, которые бы позволили ему прийти к иному выводу относительно данного дела. Суд счел, что в настоящем деле власти лишили заявителя возможности эффективно представлять свои интересы в суде апелляционной инстанции и не выполнили своего обязательства по соблюдению принципа справедливого судебного разбирательства.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

право на жизнь; вопросы проведения эффективного расследования случаев лишения жизни

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 1441/10 *«Рамазанова и Алексеев против Российской Федерации»* (вынесено 26 мая 2020 года, вступило в силу 26 августа 2020 года), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неэффективным расследования факта лишения жизни мужа заявительницы, Р., а также из-за ненадлежащей организации милицейской операции, в результате проведения которой Р. был смертельно ранен.

Суд напомнил, что статья 2 Конвенции налагает на государство два материальных обязательства: негативное обязательство воздерживаться от «преднамеренного» убийства, ограниченное перечисленными исключениями, и позитивное обязательство принять необходимые меры для защиты жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией. Ввиду своего фундаментального характера эта статья также налагает на национальные власти процессуальное обязательство провести эффективное расследование жалоб на нарушение ее материально-правового аспекта (пункт 89 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, стороны согласились с тем, что 29 января 2007 года милиционеры Т. и Д., одетые в гражданскую одежду и вооруженные пистолетами, вошли в коридор, общий для трех квартир, и в ходе стычки между Р., заявителем⁷ и милиционером один из сотрудников милиции получил ранение и выстрелил в Р. Это привело к смерти последнего. Суд отметил: версии сторон различались относительно точной последовательности событий. При этих условиях Суд сначала проанализировал качество внутригосударственного уголовного разбирательства (соблюдение властями процессуального обязательства), а затем рассмотрел вопрос о том, несут ли власти ответственность за смерть мужа заявительницы (соблюдение материального обязательства) (пункт 90 постановления).

Суд напомнил, что решение о соответствии или несоответствии характера и степени проведенного расследования минимальным критериям эффективности должно приниматься с учетом обстоятельств каждого

⁷ Лицо, непосредственно принимавших участие вместе с Р. в рассматриваемых событиях, однако, впоследствии (после обращения в Европейский Суд) скончалось.

отдельного дела. Они оцениваются с учетом всех относящихся к делу фактов и практических методов следственной работы (пункт 91 постановления).

В целом можно считать, продолжил Европейский Суд, для того, чтобы расследование лишения жизни, предположительно совершенного государственными служащими, было эффективным, необходимо, чтобы лица, ответственные за это расследование, были независимыми от причастных лиц; расследование должно быть «адекватным» в том смысле, что должно позволить установить факты, определить, было ли применение силы оправданным в сложившихся обстоятельствах, а также установить и, если необходимо, то и наказать виновных; расследование должно быть проведено в разумные сроки и с должной тщательностью; наконец, родственники жертвы должны быть вовлечены в процесс в объеме, необходимом для защиты их законных интересов (пункт 92 постановления).

Суд напомнил – власти должны принять все разумные, доступные им меры для сбора доказательств по рассматриваемым фактам, любое бездействие в ходе расследования, препятствующее установлению обстоятельств дела или исполнению обязательств, может привести к заключению, что расследование не соответствует требуемому стандарту эффективности (пункт 94 постановления).

Суд установил, что двум милиционерам, причастным к событиям, были предъявлены обвинения, которые впоследствии, исходя из принципа оправдания подсудимого за недостатком улик, были сняты с учетом собранных доказательств. Суд отметил: версии событий, представленные, с одной стороны, милиционерами, а с другой стороны, заявителями, радикально расходятся. По словам милиционеров, Р. и заявитель, вооруженные молотками, вышли из квартиры в общий коридор, затем Р. напал на Т., схватил его пистолет, и между двумя мужчинами завязалась борьба в общем коридоре. По словам заявителей, милиционеры ворвались в квартиру и бросились на Р., который присел перед ящиком с инструментами, затем один из них выстрелил ему в спину (пункт 95 постановления).

По мнению Суда, в показаниях милиционеров есть несколько несоответствий относительно хронологии событий, того, что было сделано с молотками, степени вовлеченности заявителя и ударов, нанесенных по Р. (сравнить, например, показания Т., утверждавшего, что двое мужчин вышли из квартиры, и Д., который сказал, что только Р. вышел из квартиры; сравнить показания двух милиционеров, заявивших, что они вместе вошли в общий коридор, и показания, данные Д. в ходе слушания, когда он сказал, что задержался на лестничной площадке и не видел начала конфликта). Суд отметил – эти и ряд иных противоречий между различными показаниями не были разрешены ни во время очных ставок на стадии расследования, ни в ходе слушаний в суде (пункт 96 постановления). Кроме того, согласно позиции Суда, противоречивы заключения экспертов относительно траекторий пуль, а экспертиза, назначенная судом, не дала ответа на важный

вопрос о том, где находились Д. и Р. соответственно, когда Д. выстрелил в Р. (пункт 97 постановления).

Суд резюмировал, что при наличии таких противоречий и отсутствии свидетелей, которые не были заинтересованы в завершении уголовного разбирательства, важно, чтобы правоохранные органы тщательно собирали вещественные доказательства, оставленные на месте происшествия а также сведения о лицах, причастных к инциденту, чтобы установить: где произошел инцидент (общий коридор или квартира), держали ли Р. и заявитель молотки, напал ли Р. на Т., хронологию борьбы двух мужчин и т. д. – и, следовательно, пролить свет на обстоятельства произошедшего (пункт 98 постановления).

Что касается мер, принятых властями для сбора и хранения вещественных доказательств, то Суд обратил внимание на следующее.

На вопрос о том, где происходили события, Суд счел следующее: на месте событий – в общем коридоре и/или в квартире – должны были остаться следы крови Д. и Р. Кроме того, должны были остаться следы крови, если милиционеры переносили раненого Р. из общего коридора в квартиру. Тем не менее в материалах расследования не содержалось упоминания о таких следах, и никаких объяснений этому упущению предоставлено не было (пункт 100 постановления). Суд обратил внимание, что на этих молотках не обнаружено никаких отпечатков пальцев, все молотки были найдены в ящике с инструментами, который находился в квартире, а это заставляет усомниться в версии милиционеров (пункт 101 постановления). Суд счел: необходимо было снять отпечатки пальцев с инструментов и пистолета Т., чтобы проверить, касался ли их Р. перед событиями и определить, держал ли он в руках пистолет. Однако эти меры не были предприняты без объяснения причины. Были взяты образцы с рук Р., на них обнаружены следы металлов, но это не позволило определить, держал ли Р. пистолет и стрелял ли по Д. С другой стороны, с рук Т. не было взято ни одного образца, чтобы обнаружить возможный нагар от выстрела и, таким образом, проверить, мог ли он выстрелить (случайно) в своего коллегу Д. (пункт 102 постановления).

Что касается вопроса о том, ударил ли Р. Т. и/или его пистолет молотком, то Суд отметил – нет каких-либо признаков, позволяющих утверждать, что рассматриваемый пистолет был поврежден ударом молотка или падением на пол. Кроме того, Т. был подвергнут медицинскому осмотру на наличие травм только через неделю после событий. Осмотр не позволил определить их наличие (пункт 103 постановления).

Суд резюмировал: ненадлежащий сбор и хранение вещественных доказательств в ходе расследования препятствовали установлению обстоятельств, при которых Р. потерял жизнь. Власти также не проанализировали, почему милиционеры вынули оружие просто на том основании, что, как они утверждали, они встретили в общем коридоре одного

или двух мужчин с молотками, которые якобы оскорбили их и приказали уйти.

Относительно материального аспекта статьи 2 Конвенции Суд отметил, что текст данной статьи указывает на следующее: пункт 2 в первую очередь не определяет ситуации, в которых допустимо причинение преднамеренной смерти, а описывает те ситуации, когда возможно применять «силу», которая может стать причиной неумышленной смерти. Однако применение силы должно быть «абсолютно необходимым» для достижения одной из целей, упомянутых в пунктах «а», «б» или «в» (пункт 107 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, в данном деле не оспаривалось, что Р., муж заявительницы, был смертельно ранен государственными служащими во время милицейской операции. С другой стороны, стороны не пришли к согласию относительно того, было ли поведение Р. таким, что сделало абсолютно необходимым применение против него смертоносной силы. Невозможно ответить на этот вопрос без установления всех обстоятельств (пункт 108 постановления). Ввиду ненадлежащего проведения расследования и, в частности, того факта, что не были собраны некоторые существенные доказательства, обязательные для выяснения фактов, Суд не смог сделать заключение о предполагаемом нарушении в этом отношении и оставил вышеуказанный вопрос открытым.

Тем не менее Суд должен был принять во внимание не только действия сотрудников правоохранительных органов, применивших смертоносную силу, но также все обстоятельства дела, включая контекст, в котором имели место события, а также подготовку и контроль рассматриваемых действий. В то же время Суд отметил, что в данном деле не рассматривалась общая организация милицейской операции, проводимой в условиях пресечения производства каннабиса, а только то, были ли в организации и планировании этой операции сбои, которые могли иметь прямую связь со смертью мужа заявительницы (пункт 110 постановления).

Суд напомнил, что милиционеры не должны находиться в неведении при выполнении своих функций, будь то в контексте подготовленной операции или в ходе спонтанного преследования предполагаемого опасного лица: правовые и административные рамки должны определять предельные условия, в которых сотрудники правоохранительных органов могут применять силу и огнестрельное оружие с учетом международных стандартов, разработанных в этой области (пункт 111 постановления).

Суд установил следующее – милицейская операция по пресечению производства каннабиса не была спонтанной. Тем не менее, по мнению Суда, в материалах дела ничто не демонстрировало серьезности подхода к этапу планирования этой операции.

Суд обратил внимание: с одной стороны, задание, порученное милиционерам Т. и Д. 29 января 2007 года, выглядело неточным: речь шла о

негласном наблюдении за общим коридором в ожидании прибытия следственно-оперативной группы, допросе лиц, проходящих через этот коридор или даже их задержании. Предоставленные старшим сотрудником милиции Х. инструкции, а именно: «выяснить, что происходит» в квартире № 86 и «действовать в соответствии с ситуацией», не отличались точностью. Это позволило милиционерам принимать самостоятельные решения и предпринимать необдуманные действия. Кроме того, по-видимому, у сотрудников милиции отсутствовало судебное решение, допускающее входить в жилище, что делает еще более неясным характер задания, порученного Т. и Д. (пункт 113 постановления). С другой стороны, по мнению Суда, похоже, что власти не приняли во внимание все обстоятельства, а именно: конфигурацию жилища, в которое собирались проникнуть милиционеры, в частности, наличие коридора, общего для трех квартир, который запирается на ключ, возможного присутствия в этом коридоре жителей, не связанных с подозреваемыми, а также то, что подозреваемые могли пытаться бежать, оказывать сопротивление или вести себя непредсказуемо (пункт 114 постановления).

Суд пришел к выводу: милицейская операция, в ходе которой муж заявительницы был смертельно ранен, не была надлежащим образом организована и не контролировалась таким образом, чтобы свести к минимуму применение смертоносной силы и риск потери человеческих жизней.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

– № 79947/20 *«Сатыбалова и другие против Российской Федерации»* (вынесено 30 июня 2020 года, вступило в силу 30 сентября 2020 года);

– № 43664/16 *«Шмелева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 ноября 2017 года),

которыми также были установлены нарушения статьи 2 Конвенции в связи с применением насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов, повлекшего смерть заявителей, а также из-за непроведения эффективного расследования по соответствующим фактам.

запрет пыток, иного недопустимого обращения; вопросы проведения эффективного расследования

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 8306/07 *«Булатов и Дамбегов против Российской Федерации»*

(вынесено и вступило в силу 16 июня 2020 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с применением к заявителям со стороны сотрудников правоохранительных органов пыток, а также из-за непроведения эффективного расследования утверждений заявителей об указанных случаях жестокого обращения.

Европейский Суд обратил внимание на то, что общие принципы, касающиеся предмета жалобы заявителей, изложены им в деле *«Ляпин против Российской Федерации»* (постановление от 24 июля 2014 года)⁸.

Как усматривалось из текста постановления, стороны не оспаривали тот факт, что до задержания 27 сентября 2006 года заявители не имели никаких телесных повреждений на своем теле. После нескольких часов содержания под стражей у заявителей были обнаружены множественные телесные повреждения, что отмечено при помещении их в ИВС и при осмотре судебно-медицинским экспертом. Кроме того, на лице второго

⁸ «Суд напоминает, что если лицо выдвигает небезосновательное утверждение о том, что оно подверглось обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции, со стороны сотрудников милиции или других представителей государственных органов, данное положение – во взаимосвязи с общим обязательством государств в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», предполагает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование. Подобное расследование должно быть способно привести к установлению и наказанию виновных. В противном случае общий правовой запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, несмотря на свое фундаментальное значение, оказался бы практически неэффективным, а представители государства могли бы в некоторых случаях нарушать права лиц, находящихся под их контролем, фактически безнаказанно» (пункт 125 постановления).

«Расследование на основании серьезных обвинений в жестоком обращении должно быть незамедлительным и тщательным. Власти должны всегда со всей серьезностью пытаться выяснить обстоятельства произошедшего, и не должны полагаться на поспешные и необоснованные выводы для того, чтобы закрыть дело либо вынести решение на их основании. Они должны принимать все разумные и доступные им меры для получения доказательств по делу, включая, среди прочего, показания очевидцев и заключения судебной экспертизы. Любой недостаток в расследовании, который подрывает его способность установить происхождение телесных повреждений или личность лиц, ответственных за их нанесение, влечет за собой риск несоблюдения данного принципа.... Таким образом, сам факт, непринятия соответствующих мер в целях снижения риска сговора между предполагаемыми правонарушителями приводит к существенному недостатку расследования.... Более того, расследование должно быть независимым, беспристрастным и должно подлежать общественному контролю.... Оно должно привести к обоснованному решению, убеждающему общественность в том, что принцип верховенства права был соблюден» (пункт 126 постановления).

«Государство должно обратиться к процедуре, позволяющей ему принять все необходимые меры для исполнения позитивного обязательства Властей по осуществлению эффективного расследования, в соответствии со статьей 3 [Конвенции]» (пункт 127 постановления).

заявителя была видна кровь, когда он находился в помещении милиции, а также его одежда оказалась запятнана кровью. Описание заявителями предполагаемого жестокого обращения являлось подробным и последовательным на протяжении всего производства. Судебно-медицинский эксперт установил: заявители могли получить телесные повреждения в то время и в тех обстоятельствах, которые они описали, то есть травмы могли быть получены во время их задержания, а предполагаемое жестокое обращение могло быть связано с использованием электрошокера (пункт 57 постановления).

Европейский Суд счел, что телесные повреждения заявителей могли возникнуть в результате насилия, которому они предположительно подверглись со стороны сотрудников правоохранительных органов. Указанных выше факторов было достаточно для возникновения презумпции в пользу версии событий, изложенной заявителями, и для того, чтобы убедить Суд в том, что их утверждения о жестоким обращении со стороны сотрудников милиции заслуживали доверия.

Суд указал следующее – заявители представили небезосновательную жалобу на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции и неэффективность расследования, которое власти обязаны были провести по их жалобам. Хотя власти возбудили уголовное дело в связи с событиями 27 и 28 сентября 2006 года, Суд не убежден в том, что последующее расследование было достаточно тщательным и оперативным для выполнения требований статьи 3 Конвенции.

Суд отметил тот факт, что дело находилось в производстве следственных органов более восьми лет и эти органы до сих пор не выяснили обстоятельств дела и не вынесли мотивированного решения по этому вопросу (пункт 60 постановления).

Суд также принял к сведению, что основные следственные действия не были предприняты до 6 апреля 2010 года, то есть более чем через три с половиной года после начала уголовного расследования. Как было отмечено следственным комитетом, следователи не смогли: установить местонахождение офицеров А. и Е.; установить личность и допросить сотрудника правоохранительного органа, участвовавшего в операции; распорядиться о проведении медицинского освидетельствования одежды заявителей, которая была включена в материалы дела; допросить П. и его соседа, прибывших в помещение правоохранительных органов после телефонного звонка второго заявителя; изучить журналы регистрации задержанных; а также провести другие важные следственные действия. Суд нашел особенно неудовлетворительным тот факт, что даже после неоднократных распоряжений надзорного органа на этот счет вышеупомянутые недостатки не были устранены (пункт 61 постановления).

Суд также отметил, что следователи никогда не предпринимали подлинных попыток установить причастных к спецоперации сотрудников

правоохранительных органов, не оценивали необходимость применения физической силы в отношении заявителей во время их задержания и пропорциональность этой меры (пункт 62 постановления).

Суд пришел к выводу: государство не провело эффективного расследования этого дела, как это предусмотрено статьей 3 Конвенции.

Суд счел следующее: ни власти, ни следственный орган не представили никаких объяснений, которые могли бы поставить под сомнение предполагаемые обвинения заявителей в жестоком обращении во время их задержания и содержания в помещении правоохранительного органа. Соответственно, бремя доказывания, лежащее на властях, не было снято.

Суд также обратил внимание на то, что сотрудники правоохранительных органов избивали заявителей, надевали на них наручники, завязывали глаза и пытали электрическим током (чтобы причинить им боль с целью получения от них признательных показаний в совершении преступлений). Принимая во внимание насилие, которому подверглись заявители, Суд резюмировал: такое обращение равносильно пыткам (пункт 66 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 74820/14 *«Пастухов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 1 октября 2019 года), которым также установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с применением к одному из заявителей со стороны сотрудников правоохранительных органов жестокого обращения, а также из-за непроведения эффективного расследования утверждений заявителей об указанных случаях обращения. Данным постановлением было установлено нарушения пунктов 1 и 5 Конвенции в связи с незапротоколированным содержанием заявителя под стражей, а равно – ввиду невозможности получить компенсацию вреда, причиненного вследствие незаконного содержания под стражей.

Как усматривалось из текста постановления, стороны не оспаривали тот факт, что заявитель был пьян и имел определенные видимые травмы, (ссадины носа и руки), когда его доставили в отделение полиции. Не оспаривался также и тот факт, что более серьезные травмы, такие как ушиб головы и гематомы на скуле заявителя, левом плече, правом колене и на лопатке были обнаружены и зарегистрированы, когда заявитель уже находился под контролем сотрудников больницы, куда он был доставлен после его освобождения из отделения полиции. Кроме того, Суд отметил – заявитель, находившийся в состоянии сильного опьянения, даже согласно описанию, которое было дано полицейскими (он спал на лестничной площадке, невнятная речь, не мог стоять на ногах, ему нужна была помощь, чтобы подняться и дойти до машины, не мог ответить ни на один вопрос и др.), не был осмотрен врачом или иным медицинским работником при его

помещении в камеру в отделении полиции. В этой связи Суд подчеркнул, что Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) считает право на доступ к врачу для заключенных во время их нахождения под стражей в правоохранительных органах одной из трех фундаментальных гарантий против жестокого обращения. ЕКПП также полагает – хотя допускается содержать под стражей лиц со средней степенью опьянения без медицинского наблюдения, однако лица в состоянии сильного алкогольного опьянения должны быть осмотрены врачом и в случае необходимости находиться под медицинским наблюдением (пункт 45 постановления).

По мнению Европейского Суда, в отсутствие какого-либо медицинского освидетельствования во время его содержания под стражей заявитель был лишен важнейшей гарантии в нарушение статьи 3 Конвенции. Суд счел, что непроведение властями медицинского освидетельствования заявителя и отсутствие надлежащей регистрации его травм незамедлительно после его задержания привели к значительному промедлению в медицинском лечении и к утере существенного доказательства, которое могло бы помочь в выяснении времени и обстоятельств, как и когда он получил эти травмы. Лишая заявителя основополагающего права на медицинское освидетельствование, власти также лишили себя возможности дать правдоподобное объяснение в отношении травм заявителя и освободить себя от бремени доказывания в этом отношении (пункт 46 постановления).

Как следовало из текста постановления, власти упомянули отсутствие медработника в штате отделения полиции и отсутствие медицинской подготовки у дежурных сотрудников полиции в качестве факторов, освобождающих их от необходимости осматривать заявителя. Суд, однако, не счел эти факторы обоснованием бездействия властей. Для первоначального осмотра заявителя можно было пригласить врача бригады «скорой помощи» или медицинского работника городской больницы. Суд напомнил – необходимость наличия специализированной подготовки полицейских, осуществляющих надзор за лицами в состоянии опьянения, уже неоднократно подчеркивалась ЕКПП (пункт 47 постановления).

Кроме того Суд выразил озабоченность тем, что заявитель был доставлен в больницу со значительной задержкой – спустя пять часов после того, как «скорая помощь» забрала его из отделения полиции, и в течение всего этого времени по непонятным причинам его в бессознательном состоянии передавали из одной больницы в другую. Суд не мог не заметить тот факт, что заявителю была диагностирована еще одна травма во время его пребывания в больнице. Однако, как следовало из материалов внутригосударственного расследования, никаких действий по объяснению этого предпринято не было (пункт 48 постановления).

В настоящем деле национальные органы власти, продолжил Суд, принимая решение о том, возбуждать ли уголовное дело в отношении

сотрудников полиции, применили стандарт доказывания «вне разумного сомнения» и не нашли оснований для привлечения их к ответственности в отсутствие прямых доказательств. В то же время выводы, сделанные внутригосударственным расследованием, носили вероятностный характер и ни в один момент они не исключали со всей определенностью возможности получения заявителем травм во время нахождения под стражей в отделении полиции (пункт 49 постановления).

Суд обратил внимание на тот факт, что заявитель был доставлен в больницу из отделения полиции в бессознательном состоянии, его травмы впервые были зарегистрированы только в больнице, и ясно указывали – травмы получены заявителем, когда он находился под контролем полиции. Таким образом, бремя доказывания лежало на властях, которым надлежало привести достаточное и убедительное объяснение, предоставив устанавливающие факты доказательства, ставящие под сомнение версию, представленную заявителем. Суд не упустил из вида довод властей, что, по крайней мере, одна травма заявителя, травма головы, была получена в результате его падения на лестнице. Оставляя в стороне отсутствие какого-либо доказательства, подтверждающего такой вывод, Суд не увидел необходимости оценивать происхождение этой травмы. Суд подчеркнул: в дополнение к травме головы у заявителя были диагностированы множественные другие повреждения, такие как кровоподтеки на скуле, левом плече, правом колене и лопатке. Суд отметил следующее – в отсутствие таких объяснений или какого-либо доказательства, подтверждающего, что заявитель получил травмы до его доставления в отделение полиции, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте (пункт 50 постановления).

Относительно процессуальных аспектов статьи 3 Конвенции, то Суд счел, что заявитель сделал убедительное утверждение – он получил серьезные повреждения во время нахождения под стражей в отделении полиции. Его заявление было подтверждено медицинскими заключениями и прочими свидетельствами, полученными в ходе внутригосударственного судопроизводства. Соответственно, органы власти были обязаны провести эффективное расследование данных событий.

С самого начала Суд отметил: национальные суды признали следующее – неоднократные отказы в возбуждении уголовного дела в течение первых двенадцати месяцев после подачи матерью заявителя заявления о возбуждении уголовного дела нарушили право заявителя, как потерпевшего в уголовном преступлении, на доступ к правосудию, гарантированного статьей 52 Конституции Российской Федерации. Этот вывод, по мнению Суда, представлял собой, по крайней мере, предполагаемое признание отсутствия незамедлительной и эффективной

реакции следственного органа на необоснованную жалобу заявителя на жестокое обращение (пункт 52 постановления)⁹.

Суд установил, что с 10 февраля 2011 года, когда мать заявителя подала первое заявление о возбуждении уголовного дела, и по 28 февраля 2014 года следственные органы вынесли семь постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Эти постановления, кроме последнего, были отменены либо вышестоящими следователями и прокурорами, либо судами, по формальным основаниям или ввиду того, что меры, предпринятые в ходе проверки, были неполными. Уголовное дело против неустановленных лиц по обвинению в намеренном нанесении серьезных травм заявителю, официально возбужденное в феврале 2012 года, было передано в районный отдел внутренних дел и приостановлено спустя восемь месяцев без каких-либо результатов (пункт 54 постановления).

Суд подчеркнул: «первоначальный отказ в возбуждении уголовного дела был принят через восемь дней после того, как полиция получила информацию из больницы о состоянии здоровья заявителя. Это постановление не основывалось на результатах каких-либо следственных или оперативных действий. Более того, данное постановление вынесено следователем отделения полиции, сотрудники которого предположительно несли ответственность за жестокое обращение с заявителем. Второе постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено так же поспешно, даже до завершения медицинского освидетельствования заявителя, имевшего важное значение для определения причин и серьезности его травм. Суд также отметил, что в ответ на указание старшего следователя установить личности и допросить охранников, которые предположительно сопровождали заявителя, когда он в первый раз пришел к квартире Б., следователь, ведущий дело, просто заявил, что найти их невозможно. Однако из материалов, находящихся в распоряжении Суда, непонятно, какие действия были предприняты с целью установления таких лиц. Кроме того, первое обследование камеры, где содержался заявитель, и лестницы возле квартиры Б. было проведено спустя девять месяцев после рассматриваемых событий, – задержка, которая привела к утере или уничтожению всех соответствующих следов и доказательств. Таким же образом, ввиду задержки

⁹ «Суд ранее постановил, в контексте российской юридической системы в делах о достоверных сообщениях о жестоком обращении, что органы власти обязаны возбудить уголовное дело и провести надлежащее уголовное расследование с использованием всего набора следственных действий. Сам факт отказа следственных органов возбудить уголовное производство по обоснованным жалобам на жестокое обращение во время нахождения под стражей в правоохранительных органах служит доказательством неисполнения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренного статьей 3 [Конвенции]... Задержка в возбуждении уголовного дела и проведении уголовного расследования в таких делах не может не оказать негативного влияния на ход расследования, мешая следственным органам собрать доказательства жестокого обращения» (пункт 53 постановления).

со стороны следственных органов, видеозапись из камеры, где содержался заявитель, была уничтожена. В дополнение, следствие не посчитало необходимым осмотреть дом друга заявителя, где он провел вечер перед случившимся, а также полицейский автомобиль, в котором заявитель был доставлен в отделение полиции. Материалы внутригосударственного расследования также не содержали никакой информации о попытках следственных органов восстановить маршрут заявителя от дома его друга до дома заявителя» (пункт 55 постановления).

Суд пришел к выводу – задержка в возбуждении уголовного дела в связи с утверждениями заявителя о жестоком обращении и многочисленные недостатки в ходе следствия свидетельствовали о том, что власти не приняли всех целесообразных мер, имеющихся в их распоряжении, с целью добыть доказательства и не предприняли серьезной попытки выяснить, что случилось.

Что касается вопроса о предполагаемом, по мнению Европейского Суда, незапротоколированном содержании заявителя под стражей, то была отмечена неоднократно повторявшаяся правовая позиция: «негласное содержание лица под стражей является полным отрицанием фундаментальных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, а также представляет собой наиболее серьезное нарушение данного положения. Отсутствие записи таких данных как день, время и место задержания, имя задержанного, причины задержания и имя человека, осуществившего задержание, должно рассматриваться как несоответствие требованию законности и самой цели статьи 5 Конвенции. Более того, отсутствие любого подтверждения или документа в отношении содержания лица под стражей в качестве подозреваемого может привести к лишению такого лица доступа к адвокату и всех остальных прав подозреваемого, и делает его потенциально уязвимым не только в отношении произвольного вмешательства в его право на свободу, но также в отношении жестокого обращения» (пункт 62 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, согласно протоколу задержания заявителя, он был доставлен в отделение полиции в 5:11 6 февраля 2011 года. В протоколе нет никакой информации об освобождении заявителя из-под стражи. В журнале регистрации лиц, находящихся под административным арестом, было указано время освобождения заявителя – 8:10 того же дня. Эта запись, как было установлено в ходе внутригосударственного расследования и что не оспаривалось сторонами, была сделана дежурным сотрудником полиции в определенное время после 9:00, хотя заявитель все еще оставался в камере. Он покинул отделение полиции в 15:30 в тот же день на машине скорой помощи. Соответственно, с 8:10 и до момента его госпитализации, то есть в

течение семи часов, содержание заявителя под стражей, по мнению Суда, было незапротоколированным (пункт 63 постановления).

Рассматривая вопрос о предполагаемом нарушении пункта 5 статьи 5 Конвенции, Суд отметил: «согласно соответствующим положениям Гражданского кодекса Российской Федерации компенсация материального ущерба и/или морального вреда может быть взыскана с государства, только если содержание под стражей признано незаконным в рамках внутригосударственного судебного разбирательства. В настоящем деле, однако, внутригосударственные суды не сочли содержание заявителя под стражей незаконным, несмотря на вышеприведенные факты, ранее установленные в ходе доследственной проверки. Следовательно, заявитель не имел оснований для требования компенсации в отношении его содержания под стражей, которое имело место в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.... Дополнительно, Суд отметил, что российское законодательство не предусматривает ответственность государства за содержание под стражей, которое не было зарегистрировано или признано в любой процессуальной форме» (пункт 65 постановления).

Европейский Суд резюмировал, что имело место нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции ввиду отсутствия права, защищенного иском, на компенсацию за незапротоколированное содержание заявителя под стражей в отделении полиции 6 февраля 2011 года с 8:10 до 15:30 в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 19816/09 «*Бамбаев против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 1 декабря 2020 года);
- № 50495/07 «*Бурлаков против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 1 декабря 2020 года);
- № 16310/08 «*Иванов против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 1 декабря 2020 года);
- № 56552/09 «*Козлов против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 1 декабря 2020 года);
- № 40833/07 «*Владовские против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года);
- № 796/07 «*Чудаловы против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2020 года);
- № 43411/06 «*Х. и У. против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2020 года);
- № 25238/08 «*Сарсембаев против Российской Федерации*» (вынесено

и вступило в силу 1 сентября 2020 года);

- № 30050/09 *«Шишкин и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 1 сентября 2020 года);
- № 79947/20 *«Сатыбалова и другие против Российской Федерации»* (вынесено 30 июня 2020 года, вступило в силу 30 сентября 2020 года);
- № 2304/06 *«Калашиников против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 3 декабря 2019 года);
- № 45767/09 и № 40452/10 *«Утвенко и Борисов против Российской Федерации»* (вынесено 5 февраля 2019 года, вступило в силу 24 июня 2019 года);
- № 43852/12 *«Беляев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 15 января 2019 года);
- № 49869/06 и № 44822/06 *«Голубятников и Жучков против Российской Федерации»* (вынесено 9 октября 2018 года, вступило в силу 9 января 2019 года);
- № 10825/09 *«Олисов и другие против Российской Федерации»* (вынесено 2 мая 2017 года, вступило в силу 13 ноября 2017 года);
- № 4397/06 *«Ковалевы против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 7 ноября 2017 года);
- № 26107/13 *«Крамаренко против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 3 октября 2017 года);
- № 36620/07 *«Швецова против Российской Федерации»* (вынесено 3 октября 2017 года, вступило в силу 3 января 2018 года);
- № 31632/10 *«Кондаков против Российской Федерации»* (вынесено 2 мая 2017 года, вступило в силу 2 августа 2017 года);
- № 14769/09 *«Ситников против Российской Федерации»* (вынесено 2 мая 2017 года, вступило в силу 2 августа 2017 года);
- № 32546/08 *«Моргунов против Российской Федерации»* (вынесено 11 апреля 2017 года, вступило в силу 11 июля 2017 года);
- № 43083/06 *«Золотарев против Российской Федерации»* (вынесено 15 ноября 2016 года, вступило в силу 15 февраля 2017 года);
- № 52783/08 *«Леонид Петров против Российской Федерации»* (вынесено 11 октября 2016 года, вступило в силу 11 января 2017 года),

которыми также установлены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с применением необоснованного насилия к заявителям со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также из-за отсутствия проведения эффективного расследования указанных фактов.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 45767/09 и № 40452/10 *«Утвенко и Борисов против Российской Федерации»* (вынесено 5 февраля 2019 года, вступило в силу 24 июня 2019 года), которым установлено отсутствие нарушение

статьи 3 Конвенции в отношении утверждения заявителей о применении к ним жестокого обращения.

Суд напомнил, что заявления о жестоком обращении, противоречащем статье 3 Конвенции, должны быть подкреплены соответствующими доказательствами. Для установления указанных фактов Суд пользуется критерием доказательства «вне всякого разумного сомнения», при этом такое доказательство может тем не менее являться результатом совокупности признаков или не опровергнутых презумпций фактов, достаточно серьезных, точных и совпадающих. Относительно этого последнего пункта Суд уточнил – если указанные события разворачиваются полностью или в значительной части в сфере исключительного ведения властей, как в делах лиц, находящихся под их контролем в местах лишения свободы, в связи с травмами, причиненными в этот период, то возникают прочные фактические презумпции. Обязательство доказывания ложится, таким образом, на власти: им надлежит предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение, продемонстрировав доказательства, устанавливающие факты, которые поставят под сомнение доводы потерпевшего. При отсутствии такого объяснения Суд вправе сделать выводы, которые могут являться неблагоприятными для властей (пункт 132 постановления).

Как было установлено Судом, первый заявитель не предоставил доказательств медицинского характера в подкрепление своих заявлений о жестоком обращении. Из показаний свидетелей Фо., Ш., Рас., и См. следовало, что они не являлись непосредственными свидетелями указанных нападений. Суд также отметил, что первый заявитель, которому оказывал помощь выбранный им адвокат, пожаловался на жестокое обращение только 26 мая 2008 года, то есть более чем через месяц и десять дней после предполагаемых случаев жестокого обращения. В то время как первый заявитель имел доступ к адвокату Е. 21 апреля 2008 года, он не объяснил, почему он не попросил своего адвоката засвидетельствовать наличие телесных повреждений. Относительно версии заявителя о возможных последствиях ударов, нанесенных сокамерниками, то, вероятно, они не сохранялись в течение продолжительного времени, отсюда заинтересованность, по мнению Суда, в том, чтобы зафиксировать их наличие хотя бы посредством свидетельств третьих лиц (пункт 133 постановления).

Суд счел, что в данном деле не существовало достаточно материалов, позволяющих сделать вывод о том, что первый заявитель подвергся жестокому обращению в период с 14 по 18 апреля 2008 года.

Когда речь шла о втором заявителе, то Суд также отметил отсутствие доказательств медицинского характера наличия телесных повреждений, причиненных ему в период с 13 по 15 апреля 2008 года. Что касается свидетеля Фо., то тот заявил следующее – в период

с 12 по 14 апреля 2008 года он оказывал на заявителя только психологическое воздействие (пункт 135 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, 25 апреля 2008 года врач СИЗО установил наличие трех порезов на шее и лице заявителя. В соответствии с показаниями Мар. и Гр., они являлись непосредственными свидетелями попытки изнасилования второго заявителя Ры. и двумя другими заключенными. Эти материалы, по мнению Суда, подкрепляли версию второго заявителя, утверждавшего – для того чтобы остановить нападение, ему пришлось порезать себе шею и правую щеку бритвой. Однако Суд установил, что во время осмотра врачом заявитель не подтвердил обстоятельств, при которых он получил травму и, в частности, о заявленном нападении своих сокамерников, утратив, таким образом, возможность пролить свет на данные события. Более того, он пожаловался на жестокое обращение только в декабре 2009 года, то есть более чем через полтора года после заявленных фактов (пункт 136 постановления).

Суд обратил внимание на следующее: даже если предположить, что второй заявитель подвергся нападению своих сокамерников в ночь с 24 на 25 апреля 2008 года, то оставался вопрос о том, должно ли нести за это ответственность государство. Здесь речь шла о вопросе, ответ на который зависел от совокупности обстоятельств рассматриваемого дела. Довод второго заявителя – нападения и устрашение, на которые он жаловался, подстрекались Ти., сотрудником милиции, находящимся на службе в СИЗО и действовавшим по указаниям следователей (они вели уголовное дело в отношении заявителей). Второй заявитель опирался в этой связи на показания свидетелей Гр., Фо., Те. и Е. Однако Суд счел, что речь шла об утверждении факта, объединяющего несколько обстоятельств, которые оставалось установить, в частности, существования распоряжения или устного указания со стороны Ти. сокамерникам второго заявителя и связи между Ти. и следователями. По мнению Суда, показания свидетелей Гр., Фо., Те. и Е. сделали обоснованным утверждение заявителя по данному вопросу. Однако материалов дела, имеющих в распоряжении Суда, недостаточно, чтобы продемонстрировать – нападение, которому подвергся второй заявитель в ночь с 24 на 25 апреля 2008 года подстрекалось внутригосударственными органами власти. В этой связи Суд подчеркнул, что в указанном деле отсутствие таких доказательств следовало по большей части из-за отсутствия углубленного и эффективного расследования внутригосударственными органами власти по жалобе, представленной вторым заявителем в связи с жестоким обращением. Относительно материальной стороны статьи 3 Конвенции следует отметить – Суд не смог установить, что второй заявитель подвергся жестокому обращению, или что внутригосударственные органы власти могут нести за это ответственность (пункт 137 постановления).

право на свободу и личную неприкосновенность (лишение свободы согласно закону, несвоевременное составление сотрудниками полиции протокола задержания)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 45767/09 и № 40452/10 «**Утвенко и Борисов против Российской Федерации**» (вынесено 5 февраля 2019 года, вступило в силу 24 июня 2019 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции ввиду отсутствия указания в судебном решении точной даты окончания срока содержания одного из заявителей под стражей.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 50495/07 «**Бурлаков против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 1 декабря 2020 года);
- № 16310/08 «**Иванов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 1 декабря 2020 года);
- № 43411/06 «**Х. и У. против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2020 года);
- № 79947/20 «**Сатыбалова и другие против Российской Федерации**» (вынесено 30 июня 2020 года, вступило в силу 30 сентября 2020 года);
- № 74820/14 «**Пастухов против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 1 октября 2019 года);
- № 49869/06 и № 44822/06 «**Голубятников и Жучков против Российской Федерации**» (вынесено 9 октября 2018 года, вступило в силу 9 января 2019 года);
- № 26107/13 «**Крамаренко против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 3 октября 2017 года);
- № 52783/08 «**Леонид Петров против Российской Федерации**» (вынесено 11 октября 2016 года, вступило в силу 11 января 2017 года),
которыми установлены нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с несвоевременным составлением протокола о задержании.

право на свободу и личную неприкосновенность (право на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора суда)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 45767/09 и № 40452/10 «**Утвенко и Борисов против Российской Федерации**» (вынесено 5 февраля 2019 года, вступило в силу 24 июня 2019 года), которыми установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с нарушением по отношению к одному из заявителей права на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора суда.

назначение вида и срока (размера) уголовного наказания в аспекте проведения эффективного расследования случаев недопустимого обращения, осуществленного сотрудником правоохранительных органов

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 30050/09 «**Шишкин и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 1 сентября 2020 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с применением насилия к заявителю со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также из-за отсутствия проведения эффективного расследования указанного факта.

Как усматривалось из текста постановления, суд признал сотрудника полиции Т. виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 286 УК РФ¹⁰.

Суд обратил внимание на следующее – согласно российскому уголовному законодательству это преступление предусматривало наказание в виде лишения свободы от трех до десяти лет. Лицо, признанное виновным в жестоком обращении, было приговорено к четырем годам лишения свободы условно. Принимая во внимание тот факт, что приговор вынесен через

¹⁰ Как усматривалось из текста постановления, 2 марта 2006 года сотрудники правоохранительных органов провели обыск в квартире заявителя. В тот же день заявитель и его сестра пошли в отделение милиции, чтобы узнать о предметах, изъятых во время обыска. По словам заявителя, сотрудники милиции отвели его в кабинет и подвергли жестокому обращению, заставляя признаться в совершении преступления. Они связали ему ноги, надели наручники, били ногами и кулаками по телу и по груди, а также угрожали убить его. Жестокое обращение длилось около четырех часов. Заявитель подписал признательные показания и его отпустили (пункт 7 постановления).

восемь лет после преступления, то назначение наказания условно, по мнению Суда, представлялось мягким и несоразмерным тяжести деяния (пункт 88 постановления).

Суд счел, что власти не провели эффективного уголовного расследования по сообщению одного из заявителей о жестоком обращении.

Суд отметил: власти также провели расследование по сообщению о жестоком обращении со стороны сотрудника полиции М. Они установили и наказали сотрудника полиции М. за нанесение заявителю двух ударов в грудь.

Что касается разрыва печени, то власти не смогли установить лиц, нанесших эту травму, подчеркнул Европейский Суд. Было обращено внимание: стороны не оспаривали тот факт – заявитель был задержан сотрудниками М. и К. Другие сотрудники полиции в задержании заявителя не участвовали. Главный вывод национальных судов заключался в том, что разрыв печени был причинен совместными действиями сотрудника полиции М. и неустановленного лица в отделении полиции, но установить – чьи именно действия стали причиной разрыва было невозможно. В этом отношении Суд отметил, что круг лиц, причастных к жестокому обращению, был явным, и неспособность следствия установить виновного в разрыве печени могла быть объяснена только нежеланием властей проводить расследование (пункт 94 постановления).

Относительно перелома ребер и кровоизлияния следует отметить – эти телесные повреждения даже не упоминались ни в обвинительном приговоре, вынесенном сотруднику полиции М., ни в постановлении о прекращении уголовного дела от 30 ноября 2015 года. Несмотря на то, что эти телесные повреждения, по мнению Суда, были нанесены заявителю в отделении полиции, то есть пока он находился под контролем властей, власти не дали никаких объяснений тому, как они были причинены (пункт 95 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу – тщательного и эффективного расследования по утверждениям одного из заявителей о жестоком обращении, которое привело, в частности, к разрыву печени, перелому ребер и кровотечению, проведено не было.

право на справедливое судебное разбирательство (недопустимость использования доказательств, полученных вследствие применения насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам

№ 49869/06 и № 44822/06 «*Голубятников и Жучков против Российской Федерации*» (вынесено 9 октября 2018 года, вступило в силу 9 января 2019 года), которым установлены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с применением насилия к заявителям со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также из-за отсутствия проведения эффективного расследования указанного факта; пункта 1 статьи 5 Конвенции из-за несвоевременного составления протокола задержания, а также пункта 1 статьи 6 Конвенции вследствие осуждения заявителя на основе его признательных показаний, полученных под пытками.

Суд напомнил, что использование признательных показаний, полученных в нарушение статьи 3 Конвенции, автоматически делает уголовное судопроизводство в целом несправедливым, независимо от доказательной ценности признательных показаний, а также независимо от того, было ли их использование решающим в обеспечении вынесения приговора обвиняемому. Данный принцип применяется не только в делах, где жертва обращения в нарушение статьи 3 Конвенции является фактическим обвиняемым в рассматриваемом деле, но также в случаях, когда лицо, чье признание было получено в результате принуждения, является третьей стороной.

Суд установил – один из заявителей, находясь под стражей в милиции 26 и 27 января 2005 года, подвергся обращению, нарушающему статью 3 Конвенции. Принимая во внимание обстоятельства дела, Суд счел, что протокол явки с повинной заявителя от 27 января 2005 года, протоколы допросов в качестве подозреваемого и проверки его показаний на месте от 28 января 2005 года и 1 февраля 2005 года соответственно были составлены после жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции. Отклоняя ходатайство заявителя об исключении вышеуказанных протоколов следственных действий от 28 января 2005 года и 1 февраля 2005 года, суд не провел свою собственную независимую оценку с целью определения того, имелись ли причины для исключения из доказательств данных протоколов, содержащих признательные показания заявителя, которые были предположительно получены в нарушение статьи 3 Конвенции, с целью обеспечить справедливость судебного разбирательства. Вместо того, чтобы проявлять осторожность и подвергать эти повторные показания тщательной проверке (особенно после того, как первоначальные признательные показания от 27 января 2005 года сочли недопустимым доказательством на основании того, что они были даны в отсутствие адвоката), суд опирался на решения следственных органов. Они, по мнению Суда, основаны на расследовании, не соответствующим требованиям статьи 3 Конвенции. Отсутствие тщательной оценки качества оспариваемых доказательств и обстоятельств, при которых они были получены, не было исправлено вышестоящими судами.

Суд пришел к выводу: независимо от влияния признательных показаний второго заявителя на результаты уголовного разбирательства против заявителей, их использование (вместе с отсутствием надлежащих гарантий на судебном заседании) привело к тому, что судебное разбирательство было несправедливым.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 796/07 *«Чудаловы против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2020 года), которым также установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции вследствие осуждения заявителя на основе его признательных показаний, полученных под пытками.

право на справедливое судебное разбирательство в аспекте обеспечения права на участие защитника

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 45767/09 и № 40452/10 *«Утвенко и Борисов против Российской Федерации»* (вынесено 5 февраля 2019 года, вступило в силу 24 июня 2019 года), которым установлено нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с нарушением права одного из заявителей на участие защитника.

Суд отметил, что один из заявителей¹¹ «обвинялся по уголовному делу» в смысле статьи 6 Конвенции, и он должен был воспользоваться гарантиями, следующими из пунктов 1 и 3 данного положения, а именно – правом на помощь адвоката, а также правом быть информированным о данном праве и о праве хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя. В то же время из протокола предъявления обвинений первому заявителю от 11 апреля 2008 года следовало, что он был извещен о всех своих процессуальных правах: он выбрал двух адвокатов для обеспечения своей защиты и, допрошенный в тот же день как лицо, которому были предъявлены обвинения, он отрицал свою причастность к убийству С. Он также воспользовался своим правом на замену адвоката П. адвокатом Ш. (пункт 177 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, сторонами не оспаривалось, что на допросе первого заявителя 15 апреля 2008 года присутствовали не выбранные им адвокаты Е. и Ш., а назначенный адвокат Ку. Власти утверждали – заявитель дал письменное согласие на то, чтобы

¹¹ Далее – первый заявитель.

указанный адвокат представлял его интересы во время данного допроса, и что, таким образом, его право на доступ к адвокату было соблюдено. Первый заявитель ссылаясь на то, что его согласие не являлось добровольным, и, кроме того, присутствие адвоката Ку. не было эффективным (пункт 178 постановления).

Суду следовало выяснить, существовали ли в данном деле ограничения права первого заявителя воспользоваться доступом к адвокату по его выбору, и если да, то применительно к указанному случаю, влияли ли эти ограничения на справедливость уголовного процесса, взятого во всей совокупности.

Суд счел, что довод властей означал: письменное согласие первого заявителя на помощь назначенного адвоката Ку. равнозначно подразумеваемому отказу заявителя от своего права на помощь адвокатов по своему выбору. Однако Суд напомнил – отказ от одного из своих прав, защищаемых Конвенцией, должен быть оформлен недвусмысленным образом и сопровождаться минимальными гарантиями, соответствующими его серьезности; ему не требуется быть выраженным, но он должен быть добровольным, сознательным и информированным (пункт 180 постановления).

Исследовав представленные материалы, Суд не смог сделать вывод о том, что адвокат Ку. была навязана первому заявителю посредством принуждения, ни о том, что его отказ от помощи выбранных им адвокатов не был добровольным. Вместе с тем Суд счел, что данный отказ не был «сознательным и информированным». На самом деле Суд установил: до проведения допроса от 15 апреля 2008 года, следователь Б. проинформировал первого заявителя, что его адвокаты не были доступны; во время разбирательства по уголовному делу следователь Б. признал, что он не проинформировал адвоката Е., выбранного первым заявителем, о проведении 15 апреля 2008 года допроса заявителя. Одновременно Суд выяснил следующее: адвокат Е. не имела доступа к своему клиенту 14, 16, 17 и 18 апреля 2008 года под предлогом, что заявитель ожидал перевода из СИЗО по требованию следователя М. Однако оказалось, 15 апреля 2008 года первый заявитель был допрошен в том же самом СИЗО следователем Б. По заключению Суда, ошибочная информация, сообщенная первому заявителю следователем Б. относительно доступности выбранных заявителем адвокатов, не позволяла ему дать свое согласие на представление его интересов адвокатом Ку. со всем знанием дела (пункт 181 постановления).

Суд также счел вопрос о том, мог ли первый заявитель или нет предвидеть последствия своего поведения, по существу, связан с вопросом, относящимся к эффективности юридической помощи назначенного адвоката Ку. Суд напомнил: одной из главных задач адвоката на стадии заключения под стражу и следствия является необходимость следить за

соблюдением права любого заключенного не свидетельствовать против самого себя и хранить молчание. Назначение адвоката не обеспечивает само по себе эффективность оказываемой обвиняемому помощи, предполагающей выполнение ряда требований. Физическое присутствие адвоката во время проведения предварительного расследования должно позволить ему оказывать эффективную и конкретную (а не только абстрактную) помощь своим присутствием, и, в частности, следить за тем, чтобы не был нанесен ущерб праву на защиту допрашиваемого подозреваемого (пункт 182 постановления).

Однако, по мнению Суда, присутствие адвоката Ку. на допросе первого заявителя 15 апреля 2008 года не являлось достаточной гарантией для защиты прав заявителя (например, права пользоваться помощью адвоката по своему выбору, а также не свидетельствовать против самого себя и хранить молчание). Суд опирался в числе прочего на выводы дисциплинарной комиссии коллегии адвокатов, установившей, что адвокат Ку. навязала свои услуги по представительству первому заявителю, действуя на основании личных отношений со следователем Б.; она не обеспечила никакой юридической помощи первому заявителю; она вмешалась в представительство интересов заявителя, обеспечиваемое выбранными им адвокатами Е. и Ш.; и при этом она способствовала оформлению показаний первого заявителя, в которых он свидетельствовал против самого себя, во время допроса 15 апреля 2008 года, что повредило его защите. Учитывая серьезность действий адвоката Ку., дисциплинарная комиссия наложила на нее самые строгие, по ее мнению санкции, а именно – исключение из коллегии адвокатов (пункт 183 постановления).

Таким образом, резюмировал Суд, когда первый заявитель дал свое согласие на то, чтобы ему помогала адвокат Ку., она его не консультировала о последствиях его поведения и, в целом, не обеспечила никакой юридической помощи. Суд напомнил: уязвимость подозреваемых может усиливаться из-за того, что законодательство в области уголовного процесса имеет тенденцию становиться более и более сложным. Из решения дисциплинарной комиссии следовало следующее – назначение адвоката Ку. противоречило части 4 пункта 1 статьи 7 Закона об адвокатской деятельности, и Ку. следовало воздержаться от того, чтобы вмешиваться в представление интересов заявителя, обеспечиваемое адвокатами Е. и Ш., в соответствии с кодексом профессиональной этики адвоката. Суд счел, что знание правил, относящихся к профессии адвоката, и их соблюдение не может быть противопоставлено первому заявителю; в противном случае само представительство интересов лишалось бы смысла (пункт 184 постановления).

Суд пришел к выводу: первый заявитель не мог считаться отказавшимся на законных основаниях от своего права быть представленным адвокатом по своему выбору. С учетом того, что он не имел доступа к

выбранным им адвокатам Е. и Ш. во время допроса 15 апреля 2008 года, и помощь назначенного адвоката Ку. не была эффективной, Суд счел, что право на доступ к адвокату по своему выбору было ограничено.

Суд напомнил – ограничения права доступа к адвокату разрешаются только в исключительных случаях, когда они должны иметь временный характер, и основываться на индивидуальной оценке особых обстоятельств данного дела (пункт 186 постановления). Однако власти не сообщили о таких исключительных обстоятельствах, а в компетенцию Суда не входило устанавливать по собственной инициативе, существуют ли они в указанном деле. Суд не увидел никакого «особого основания», которое могло бы оправдать ограничение доступа первого заявителя к wybranным им адвокатам во время первого допроса 15 апреля 2008 года: не было указано, например, что существует неминуемый риск для жизни, физической целостности или безопасности других лиц.

С учетом вышеизложенного Суд должен был выяснить, могла ли невозможность для первого заявителя воспользоваться помощью выбранных им адвокатов во время допроса 15 апреля 2008 года принести непоправимый вред разбирательству по уголовному делу, рассматриваемому в совокупности, в отношении заявителя. Отсутствие в данном деле «убедительных причин», которые могли бы оправдать ограничение доступа первого заявителя к своим адвокатам, обязало Суд тщательно рассматривать вопрос о справедливости процесса. В компетенции властей убедительно продемонстрировать, что заявитель тем не менее воспользовался справедливым уголовным разбирательством. Суд рассмотрит в той части, где она применима в данном деле, различные факторы, следующие из его прецедентной практики (пункт 188 постановления).

Уязвимость первого заявителя и обстоятельства, в которых были получены доказательства

Суд напомнил, что он не сделал вывода о нарушении статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте относительно утверждений первого заявителя о жестоком обращении. Суд счел – никакое другое особое обстоятельство не указывало на то, что во время допроса 15 апреля 2008 года первый заявитель находился в состоянии особой уязвимости в сравнении с ситуацией, в которой обычно находятся лица, допрашиваемые следователями (пункт 189 постановления).

Положения законодательства, регламентирующие предварительное расследование и приемлемость доказательств, а также возможность оспаривания собранных доказательств и их предъявление

Суд отметил, что первый заявитель смог встретиться с wybranными им адвокатами 21 апреля 2008 года, во время допросов 25 и 30 мая 2008 года он отказался от своих предыдущих показаний. Суд констатировал, заявитель, по-видимому, мог оспорить назначение назначенного адвоката Ку. Не располагая копией решения от 14 мая 2008 года¹², Суд не смог проверить полноту анализа, выполненного данной судебной инстанцией. Как бы то ни было, Суд счел, что вышеобозначенный элемент не считался решающим по следующим основаниям (пункт 190 постановления).

Суд констатировал: допустимость протокола допроса первого заявителя от 15 апреля 2008 года вызвала споры во время слушаний в суде в период с 25 октября 2010 года по 27 января 2011 года. Суд установил, что первый заявитель ходатайствовал об исключении указанного протокола из доказательств, ссылаясь, помимо прочего, на ограничение доступа к wybranным им адвокатам и на неэффективность назначенного адвоката, установленных дисциплинарной комиссией коллегии адвокатов. Постановлением от 27 января 2011 года суд отклонил данное ходатайство (пункт 191 постановления).

Суд резюмировал – судья не рассмотрел вопрос об эффективности юридической помощи, оказанной назначенным адвокатом Ку. В своем решении от 27 января 2011 года, в части, относящейся к представлению интересов заявителя, судья просто сослалась на следующие факты: первый заявитель дал письменное согласие на представление его интересов Ку., а также на решение суда от 14 мая 2008 года, в обжаловании которого заявителю было отказано. В то же время судья не произвела анализ влияния решения дисциплинарной комиссии коллегии адвокатов от 18 февраля 2009 года касательно эффективности Ку. как юриста. Суд отметил – данное решение было принято несколько месяцев спустя после отказа в удовлетворении жалобы первого заявителя районным судом. Речь шла, таким

¹² Постановлением от 25 апреля 2008 года органы, которые вели расследование, распорядились о неразглашении фамилии адвоката Ку., присутствовавшей на допросе 15 апреля 2008 года. Ходатайство адвоката Е. о просмотре записи данного допроса было отклонено 30 мая 2008 года на том основании, что такой просмотр раскрыл бы личность назначенного адвоката.

Из материалов дела, которыми располагал Суд, следовало, что первый заявитель обратился в суд с целью оспаривания ряда постановлений следственных органов, в том числе постановления от 25 апреля 2008 года, но он отказался от данного обжалования во время рассмотрения его спора в суде, в обмен, по его словам, на разрешение следователей предоставить ему свидание с семьей. Решением от 14 мая 2008 года, копией которого Суд не располагает, суд отказал в удовлетворении жалобы первого заявителя.

образом, о новых материалах по данному делу, по которым еще не была проведена оценка с точки зрения приемлемости доказательств в рамках производства по уголовному делу в отношении заявителя (пункт 192 постановления).

Суд также обратил внимание на следующее – прения относительно приемлемости доказательств проводились в отсутствие присяжных и те не были поставлены в известность об обстоятельствах, в которых протокол допроса первого заявителя от 15 апреля 2008 года был оформлен (пункт 193 постановления).

Характер показаний и выяснение, имели ли место быстрый отказ от них или их изменение

Суд отметил, что во время допроса 15 апреля 2008 года первый заявитель признался – он заказал убийство С. Таким образом, из этих показаний ясно – заявитель свидетельствовал против самого себя. Суд установил: первый заявитель отказался от своих показаний 26 мая 2008 года, и что он заявлял о своей невинности в течение остального периода расследования и во время рассмотрения в суде уголовного дела в отношении его (пункт 195 постановления).

Суд также обратил внимание на *использование доказательств и, в частности, вопрос о том, являлись ли они составной или важной частью доказательств в пользу обвинения, на которых основывался приговор, а также значение других материалов дела и содержание указаний и разъяснений, данных коллегии присяжных.*

Важность общественного интереса

По мнению Суда, не было никакого сомнения в том, что преследование первого заявителя основывалось на значимых соображениях, представляющих общественный интерес, так как заявитель преследовался за организацию покушения на жизнь должностного лица.

Существование в национальном законодательстве и практике иных процессуальных гарантий

Суд напомнил, что не существование само по себе гарантий, предусмотренных положениями законодательства, может обеспечить общую справедливость разбирательства. Только рассмотрение их применения к делу позволит определить, справедливо ли разбирательство в своей совокупности. В данном случае Европейский Суд отметил, что первый заявитель подал жалобу в суд, в дисциплинарную комиссию коллегии адвокатов, чтобы

оспорить ограничение доступа к выбранным им адвокатам и неэффективность назначенного адвоката. Однако Суд уже высказал свое мнение по указанным гарантиям при рассмотрении данного дела (пункт 202 постановления).

С учетом изложенного Суд констатировал, что производство по уголовному делу, которое велось в отношении первого заявителя, рассматриваемое в своей совокупности, не позволило устранить процессуальных недостатков, допущенных на предварительной стадии разбирательства, и, в частности, ограничения права доступа заявителя к выбранным им адвокатам во время допроса 15 апреля 2008 года. Следовательно, по мнению Суда, имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции касательно первого заявителя.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.